

Иной раз мысль Нилрема пускалась в пляс охотно бродя по прилавкам. Она с ленцой осматривала базар, где несносные торговцы прятали свои услуги за завесой ценников, добывая с таких честных и благородных людей как Нилрем двойную плату. Грейрат справедливо считал, что все торговцы врут и не краснеют. А их счастье заключалось в непомерной наглости, которое по старым преданиям называли вторым. Где первое счастья, и чем оно было, парень так никогда и не знал.

«Мог бы я так же сдирать три шкуры по цене одной?» Торговаться Нилрем не умел. Зато он был способен в ораторских речах доказать свою правоту и по справедливости рассудить кто прав, а кто нет. Загвоздка заключалась в том, как нетривиально юноша брал быка за рога. Все ведь знают поговорку, где добрым словом можно добиться многого, добрым словом и пистолетом можно добиться ещё большего.

Вот так и Грейрат, пусть того по покупке мог бы использовать магию, выбивая из шокированного продавца не просто товар, а последние его деньги. Местной страже ещё подумать придется, кто первый нарвался, жадный торговец, или вспыльчивый маг.

Сейчас, Нилрем не занимался покупками, он ушёл из дома, дабы охладить свой пыл и не заставлять родных переживать. Иронично, как желание уйти и «не беспокоить», только больше распаляло это самое беспокойство в окружающих.

Юный маг этого не замечал, он очерчивал своими сапогами полы столицы Милиса, Милисиона, и так по странному стечению обстоятельств, он проходил мимо завсегдатых торговцев и их открытых прилавков. Те зазывали и привлекали его к размышлению о том, какую жадную наценку торговцы делали на товар.

Парень ограничился малым, исключительно вертел головой, рассматривал округу и ничего не покупал. Подсознательно, ему хотелось не попасться на глаза Лили, которая бродила по городу, определенно что-то пытаясь купить. «Оставить меня в таком состоянии с Аишей... это было твоим худшим решением». Панацея неодобрительно покачал головой, и для отвлечения засмотрелся на прилавок с овощами. Он никогда не запоминал цены, и никогда их не будет запоминать. А меж тем, улочки сменились пустынными переулками, из жилых домов иногда доносились крики детей, голоса их родителей, реже, то были простые разговоры ни о чём, ещё реже, на уши юноше падало что-то стоящее.

К примеру, как две леди в красивых платьях, обсуждали своих детей, и то, как им повезло учиться в школе.

«Норн ходит в эту школу». Этих образовательных учреждений здесь, не так чтобы много, всего одна, как знал парень. Из тех сплетен, хвастающихся женщин ухо Грейрата смогло подметить разве что радушность учителей за таланты, и кучку бесполезной информации о «Инночке и Лялечке».

Когда же ему надоело развешивать уши и слушать баклуш, которые и ведали себе, как только поглумиться над остальными пройдохами, он зашагал дальше. Осматривая местную метрику архитектуры, удивляясь ею и ощущая незримую гордость, что кто-то из его предков раньше здесь это строил, или был пособником стройки. Впрочем, это не гадать что в сахарнице, соль или перец. То есть, не так и важно. Обычная мелочь.

Просто в прошлой жизни, видя к чему привели действия его предков и человечества в целом, желание гордиться подобными людьми не было.

Нилрем никогда по-настоящему не знал своих первых родителей, своих первых предков.

Родили его по квоте, а в повседневной жизни были слишком заняты собственными делами, чтобы воспитывать и учить сына. Отмахнулись, вложив тому в голову знания через специальное устройство и выдали жилплощадь на тридцать лет. Считая это абсолютной нормой, Панацея умудрялся ощущать в этих поступках отголоски любви и заботы. Возможно потому, Нилрем никогда не пускал слезы на плаксивых драмах. Мать и отец, изредка поочередно, или вместе, могли проявить толику заботы, позвонив сыну в лучшем случае раз в неделю. Остальную прорву времени парню оставалось забивать себе голову интернетом, откуда он узнал правду о которой догадывался долгие годы. Его семья не была такой, какой она должна быть по мнению девяносто девяти из ста людей будущего. Слишком однобоко выражалась любовь.

Но раньше, как бы это не звучало, в далёком будущем, при всех удобствах и возможностях создавать целые миры, подобная мелочь как «семейные узы», «семейные ценности», не обременяли душу тогдашнего Сапфирова. Он только и знал, что его родители странные, не трясутся над ребёнком как другие в его то время. Общепринятые нормы Нилрем получил от вмонтированных знаний. По этим знаниям, его структура семьи была ненормальной.

Сейчас же, сменилось место, сменилось время, сменилось тело. Он узрел слово «семья» с совершенно другой стороны, невиданной доселе и... был поистине рад. Лили, изначально должна оставаться безликой, механической горничной, однако сейчас она была дорогой женщиной, которую не заменить на «новую модель». Айша и вовсе росла на глазах, так почему же Нилрем не мог ответить, почему хватал ртом воздух, когда Клэр завела разговор о «Слугах»?

В глубинке его души ответ был проще простого, и откатись он на три года назад, до катастрофы, до пережитых событий и спокойно бы ответил: «Потому что они слуги. Сами захотели ими быть, пусть остаются». Только вот теперешний гордец, не тот же самый. Теперь его терзает червячок сомнения.

«Где я поступил неверно? Когда пустил Лили на самотёк? Позволил ей слепить из Айши горничную?» Что для других пустяк, с чего бы ему париться над этими простыми думами, то для Грейрата страшная загадка.

С одной стороны, парень не мог так просто отречься от прошлой жизни, её опыта, её знаний и её безразличия к родным, а с другой, не мог позволить чужим людям называть родную сестру слугой.

Так, ноги привели мальчишка к белоснежному собору. Странное, по мнению парня место, куда люди захаживали помолиться. Не были мольбы единственным событием, которое здесь проводилось, но именно просьба некоего бога исполнить желание, иль не насылать свой гнев, было основным пирством.

Здесь, люди отводили дух, исповедовались да каялись во грехах своих. А их слушали священники и кивали, божась, что никому не расскажут о услышанном.

Без стука в дверь, мальчишка вошел в дом бога. Шикарные ковры, не ровня тем, которые стелились в гостиной Клэр, такие же мажорные люстры, подвешенные где-то в небе, так высоко они были и куча фресок, картин, мотивов коих не понимал Нилрем. Сюжеты искусства ему казались просто странным набором мужчин и женщин, выстроенных напротив около божественной фигуры.

— Милис, — не страна, но Бог, которому молятся местные. Нилрем прокатил его имя на языке

и сплюнул, на шикарный ковёр. Свое действие он пояснил секундой позже. — Нет никакого бога, кроме меня.

Не говоря тихо, или полутонем, малец заявил во всю акустику, которая отразилась эхом и вернулась в уши Грейрату обратно. Тот довольно кивнул, отмечая, что в храме никого не было. Многочисленные ряды пустых скамеек смотрели в одном направлении, туда, в самом конце, где сосредоточено больше всего золота, стоял отменный стенд, сложенный из крепкого, на вид темного, дерева.

Слыша эхо собственных шагов, Нилрем прошёлся к нему, провел рукой ощущая мягкий лак, вдохнул его резкий аромат и шепотом начал что-то говорить.

Услышать шепот было невозможно, но вот увидеть результат, ещё как! Внизу стенда раскинулась зелень, выросли фиалки.

— И вправду, крепкое дерево. Мне нравится.

Помотав головой и не найдя живой души, парень продолжил свои изыскания по храму, выйдя в определенно нужное ему помещение.

То были небольшого вида спаренные закрытые будки, откуда ему послышался женский голос.

— Не хочешь исповедаться?

Обернувшись на голос, парень узрел лишь глухую кабинку. Лица говорившей не было. Нилрем подошёл и ухватился за дверную ручку. Дверь заперта, а из другой стороны послышался слабый смешок и слова «Тебе нужно в другую, кабинку, соединенную с этой».

— Женщина, ты кто? — не выдержал маг и прямо заявил. В ответ послышался голос полной обиды.

— Мальчик, я вообще-то ещё девушка, мне всего двадцать пять на этом месяце исполниться.

Хмыкнув на подобное заявление, Грейрат перекривил её слова:

— Женщина, я вообще-то почетный маг, меня знают все в городе.

— О! — вдохнула незнакомка побольше воздуха, — И кто же ты?

Вздернув бровь и ощутив, как над ним издеваются, Нилрем мог бы и не представляться хамоватой незнакомке.

Представиться обязательно требовалось обоим, а как первой заговорившей, сперва это должна была сделать девушка, но Нилрем далеко и надолго забивал на подобные этикетные забабахи и по возможности представлялся, считая святым долгом каждого человека, знать его имя.

— Нилрем Грейрат, Панацея. Запомни его хорошенько и расскажи о нём родным.

— Подожди, а Панацея это... это твое позывное имя? Ты местный авантюрист?

— С чего ты взяла? И что значит местный? Ты сама, кто такая и откуда, раз не знаешь меня?

Девушка внутри печально вздохнула. Изнутри кабинки послышался глухой стук.

— Я издаleка, а звать меня можeшь сестричкой, не обидeшь, — Нилрем во второй раз дёрнул за ручку, но это опять ничего не принесло. А ведь силы он вложил в этот раз больше.

Сложив руки на груди, мальчишка требовательно заявил:

— Так не пойдeт. Говори, кто ты.

Ему в ответ, прилетел исковерканный до детской шалости голосок чертовки, которая закрылась у себя в кабинете и не выходит.

— Мне брат родной запретил всяким посторонним людям о своем имени рассказывать.

— Я далеко не посторонний, — все же взяв себя в руки и войдя в спаренную кабинку, Нилрем присел и продолжил. — так что, можeшь мне исповедаться, как твой незримый бог, я тебя выслушаю.

— Сколько в тебе страшного самомнения. Но говоришь ты открыто, мне такие нравятся, — увидеть не увидел, но Нилрем ощутил эту улыбку, которая появилась на губах говорящей.

— Ну так, поведай, это из-за тебя весь храм вымер?

— Ого, какие мы догадливые. Ты случайно, но маленький гений? Чем и знаменит? — юного мага улыбнуло её дерзкое замечание, он хохотнул на манер «Хо-хо», и ответил незамедлительным кивком, подтверждая слова бeстии одномоментным вскриком «Да!».

— Но, это не меняет твоего положения, женщина. Если не хочeшь, чтобы я продолжал тебя так называть, женщина, говори свое имя.

— Я Канна, из королевства Кикка, — Нилрем приложил палец, к губам и склонил голову в недопонимании. Канна же, печально вздохнула, когда устаканилась тишина и продолжила. — оно рядом с королевством Санаки, — опять тишина в ответ. — королевство Широн, тебе что-то говорит?

— А! — и это его «А!», мистическим образом уместило в себя все, что знал и ощущал Нилрем по поводу этого гнилого королевства. — соболезную с такими соседями.

— Не понимаю твоего тона.

— Имей я в соседях Пакса, предпочёл бы сменить королевство, — теперь и от стороны девушки пошло узнаваемое «А», которое одномоментно значило сразу и «Понятно», и «Понимаю», и «Соболезную».

— Его дурная слава протянулась даже сюда. Кажется, ниже ему падать больше некуда, — на заявление собеседницы, Нилрем пожал плечами и флегматично заявил, мол: «Снизу всегда могут постучать», на что Канна, засмеялась искренним смехом, в перерывах между хохотом говоря: «...это уж точно про него...»

Так, дурацкие разговоры завертелись, а разум Нилрема успокаивался. Их совместный разговор продлился не так долго, как этого требовал разум мага, но достаточно, чтобы подготовиться к вопросам незнакомки Канны.

— Нил, и все же, что тебя, такого весельчака привело сюда? — Канна задала вполне серьезный вопрос, отбросив свои хиханьки и хаханьки.

— А тебя?

— Некрасиво отвечать вопросом на вопрос, ты так не считаешь? — пускай укоризненных намеков в голосе девушки было «кот наплакал» но даже с ними, Нилрем мог завестись и до последнего, стоять на своём. Однако, припомнив свой разговор с Клэр и решение отдохнуть от общей суматохи, которую он наводит одним словосочетанием «Да кто ты такой, чтобы говорить со мной в подобном тоне?» Грейрат все же вздохнул и хлопнув себя по штанам ответил.

— Представь, что твой брат, решает твою судьбу, — Канна, вся превратилась в слух, а Нилрем и не понимал, как сильно уколол ту в самое сердце. — твой брат к примеру, силен как я, и умён как я. Он тебя любит и готов отдать за тебя много больше, чем ты, можешь себе представить. Но вот, твоём брату предлагают непростой выбор и говорят, какой должна быть его сестра, то есть ты. Представим, что тебе говорят быть слугой. Как на это должен реагировать твой брат? Он должен принять сестру как слугу, или начать бороться со своими благодетелями, которые его кормят, но отстаивать сестринское благо?

— Ты ведь говорил, что брат любит свою сестру, и готов за неё отдать всё.

— Лукавишь, Канна. Я говорил, много больше чем ты, можешь представить. А что до любви... Ему к примеру, не важно, что при нем ты будешь слугой. Ему важно, чтобы при других ты была не слугой, нет, даже не так, чтобы другие и не думали считать тебя слугой.

— То есть, нерешаемая задача?

— То есть, нерешаемая задача.

Выбор без выбора. Вопрос без ответа.

— Ну, ты все говоришь, мол брат то, брат се, я кажется понимаю тебя, но как «та самая» сестра, мне хотелось бы иметь право голоса... Может мне и не в тяжесть быть слугой для блага других.

Нилрем поднял голову и посмотрел в закрытое окошко. Кажется, на его глазах прорастал ответ, ростки беспокойства о котором, ему посеяла Клэр.

— Хочешь сказать, мне просто нужно спросить чужое мнение?

— А это не очевидно?

Великий маг промолчал, ведь губы его ответили бы «Нет». Нилрем никогда ранее не спрашивал членов семьи, кем он хотят быть. Это не было принято в прошлом. Этот же вопрос не поднимался в семье Грейратов, почти никогда. Единственный раз это случилось во время сокрытия магии, но вопрос удалился относительно быстро.

И сейчас, сейчас все тараканы в голове великого мага замерли. Мысли остановились, а на лицо напозла глупая улыбка.

Считая, что родной брат должен в обязательном порядке защищать сестру, Нилрем не допускал мысли о её независимости. Ведь можно просто дать ей выбор и исходить из него.

Другие не поймут, другим и не надо понимать. Им просто надо знать, отныне, Нилрем будет спрашивать чужое мнение, будет ложиться на чужие плечи страх и ответственность за их жизни.

— Ты чего там притих? Язык проглотил? — Канна стукнула кулаком о стенку.

— Канна, неизвестная мне женщина, ты многим мне помогла, — сама Канна лишь глупо моргнула, не понимая где вообще был вопрос, на который она ответила, чем и помогла. — проси, что твоей душе угодно.

— Хах, я рада, что смогла тебе помочь, хоть и не знаю, чем именно, но сомневаюсь, в твоих возможностях... не под силу твоим малым ладоням помочь мне.

— Не смей во мне сомневаться, Канна, — Нилрем отмахнулся рукой. — сомневаются глупцы.

— Как скажешь, — будь это возможно, девушка кивнула бы. — сдюжаешь сделать меня счастливой?

— Жениться на тебе? Мне ещё рано.

— Чт... Что?! Ты... ах ты негодник, так вот, что ты себе фантазировал все время, и почему так долго отвечал! Хочешь мое тело?!

— Женщина ты чрезмерно задираешь нос, твоего тела я даже не видел. Сомневаюсь, что оно окажется каким-то уникальным в своей сути. Просто женское счастье — это выйти замуж за красивого и сильного мужчину, да родить от него ребёнка к тридцати. Так что лучше кандидата чем я тебе не найти.

— Маленький гений... Нет, ты маленький извращенец! Я к примеру, ещё не хочу замуж, мне мир посмотреть хочется.

За стенкой в стороне Грейрата цокнули, а после зашептали: «Роулз говорил, этого хотят все женщины...» Шептали достаточно громко, чтобы девушка услышала.

— В таком случае мои силы здесь кончаются. Я недавно приехал в Милисион, и отправляться с тобой по континенту нет никакого резона. Ты мне помогла, и все на этом.

— Не я тебя за язык тянула. И вообще поменьше слушай этого Роулза.

— Обязательно, — кивнул парень, а после пригляделся к обстановке. — уже садится солнце, я ухожу.

— Быстро пролетело время... — Канна медленно вздохнула. — ну, бывай тогда, мое божество.

— Отличное прощание, мне нравится, — Нилрем удовлетворительно притронулся к двери, открыв её. — ты выходить не будешь?

«Выходить...» мысленно усмехнулась девушка без возможности ходить.

— Не, у меня ещё есть дела здесь, я жду брата.

Осознав, что именно брат запер сестру в будке для исповеди, Грейрат повел плечом, и ещё некоторое время пялился на неё.

— Знаю, что не мое дело, но он ведь тебя там не насильно запер?

— Отнюдь. Это ради моей безопасности. После одного... инцидента, мой брат решил, что я принцесса на стеклянных туфельках, и что меня все время нужно беречь.

— Лучше бы твоего мнения спросил.

Канна весело хмыкнула, услышав собственные слова. Теперь они не казались ей такой уж очевидной истинной

— Не слушает, сколь бы много я его не просила. Но он добрый, и я знаю, не хочет мне навредить. В моем случае все же лучше просто молча довериться брату...

Наступила тишина, после этих слов, а тридцать вдохов спустя Канна взволновано произнесла:

— Ты ещё тут?

Вновь мёртвое молчание.

— Вот ведь невоспитанный мальчишка.

Воспитанный или нет, но Нилрема и вправду поманил разум уходить. Солнце уже садилось, отдавало последние лучи на этот день и передавало свои права Луне. Наступала ночь.

Местные жители лишь слышали слухок, мол темными ночами лучше не присматриваться к людям, не прислушиваться к их разговорам, ведь по ночам бродят дети. Не мелкая ребятня, а вполне взрослые мужи, сильные, хищные, страшные.

Их описывают как обычных людей в мантиях, за исключением горящих красным глаз, длинных клыков и звериных когтей. Этих людей называют «Дети ночи». Их вечным спутником, считался запах крови.

О ночных детях не так и много слухов среди знати, их много среди простого народа. То тут, то там, зверя мелкого забьют, или домашний скот своруют. Иные и вовсе видели, как один из таких упырей пил кровь его козы.

Волнения народа, это шаткость для элиты. Священники, те кто попроще, пытались выяснить что за напасть, и не является ли это каким-то заболеванием на манер бешенства, но у людей из-за которого они набрасываются на чужой скот и пьют его кровь.

Те же священники что пожирнее, и одеты краше, как один, трясли перед прихожанами своими золотыми цацками и твердили, что в обитель божью, ни одна нечисть попасть не сможет. «Все надёжно защищает магия!»

Увы, такие у судьбы шуточки, но именно в соборах по ночам собирались дети ночи. Они не боялись святости места, они его обожали, ведь обычный люд не будет силой рваться в обитель бога.

Собор, в котором находилась Канна не являлся исключением из правил, и наступившая ночь дала зелёный свет её детям.

В мертвецки темном помещении зазвенела связка ключей. Открылся замок и на Канну обратилась пара горящих красным глаз.

— Клайм... ты не спешил, — свирепые глаза брата моментально смягчились, а лицо улыбнулось.

— Ты чего, я спешил, как только мог. Ещё даже не обнял, а уже слышу твой бубнеж, — Клайм осмотрел сестру приподнятой бровью. Быстрым шагом белокурый юноша оказался рядом,

после чего крепко обнял тело сестры, которое лежало на лежаке. Через секунду её легкое, как перышко, тело сменило свою дислокацию, и оказалось в крепких руках брата. — Как ты тут, не было слишком скучно?

— Учитывая, что я могу двигать только рукой и головой, вполне, — блондинистое каре, качнулось в кивке.

— Вот и хорошо, — развернувшись к выходу, родственникам предстала ещё одна фигура человека в темных балахонах. Под черным капюшоном тлели искры глаз.

— Здесь был человек, — грудным голосом произнес мужчина.

— Что? — Клайм, позабыл о своей радости, которая лежала у него на руках, и приняхался. — И вправду. Канна, объяснишь?

Брат и не думал злиться на неё, но от этого ситуация лучше не становилась. Канна знала, как упорно её брат пытается её вылечить, но последний год он сильно отстранился. Потому даже сестра не была уверена, что спокойный голос Клайма был истинно таким.

— Мальчик приходил. Мы с ним немного поговорили. Забавный такой...

Блондин нахмурился, скрывая бровями часть глаз и переводя взгляд с сестры на незнакомца да обратно.

— Собор должен быть закрыт, я его арендовал на время. Как он вообще вошёл? — пропуская сжавшуюся руку сестры, Клайм кивнул незнакомцу в балахоне. — проверь вход.

— Есть, старший! — подобно настоящему солдату, фигура выпрямилась как по не озвученной команде, а после поплыла в своей скорости даже для взгляда тренированной Канны. Впрочем, списав все на три года бездельничества, девушка не стала заострять на этом внимание. Она решила усмехнуться, и подколоть серьезного и холодного брата, каким он стал, когда отдавал приказ.

— Ого, что я слышу. Мой плаксивый брат научился командовать? — единственной работающей рукой, девушка шутливо ткнула брата в грудь. Еже ли память не сфальшивила, раньше именно Канна была старшей в их семейных отношениях. Она была защитницей и добытчиком, собственноручно приватизировав мужскую нишу. Естественно не от богатой и сытной жизни, однако проявив талант на пути меча, девушка осталась такой же «пацанкой» (в бытность ребёнка, дабы её взяли учиться она притворялась парнем), а Клайму, как младшему брату осталась роль домохозяйки или же мага. У брата скривилась улыбка, таким образом, чтобы быстро скинуть её с лица.

— По долгу службы, дорогая сестра, все меняется, меняюсь и я.

Клайм положил сестру на скамью, а сам вернулся к будке, откуда кроме продуктов, достал и кресло-коляску. Одно из немногих на целом континенте. Это было меньшее, что мог предложить Клайм своей сестре, бывшей когда-то королевским гвардейцем. Раскладная коляска лихо закрипела, но парень упорно её разложил и даже не сделал себе пометку о смазке. Он считал, отныне все это останется в прошлом.

— Эх, опять ты меня садишь в эту железяку, — Канна пожаловалась на не самые комфортные условия подобного агрегата.

— Ну не могу же я тебя ещё и через пол города на руках носить, — подойдя сзади, чтобы везти коляску, парень чуть наклонился, и оттолкнул её, снимая с тормозов и ведя к выходу.

— Мог бы и поносить свою сестру хоть раз на руках дольше парочки минут, — могла бы Канна сложить руки замком так бы и сделала. — или я слишком тяжела?

— Смешить меня решила? Ты себя же должна видеть, ты легче пёрышка.

— Тогда...

— Но, — они проехали к главному залу, где были лавочки для прихожан и стенд с места, которого Кардинал или Папа, или другой важный чиновник вели свое сказание. В зависимости от фракции можно было бы услышать, как «смерть всем неверным демонам», так и «Мир всем на свете». — сейчас не до шуток.

Клайм замер взглядом ровно там же, где стоял подчинённый.

— Трава? — слова Канны не полностью передавали всю информацию.

— Цветы, мох, — дополнил хриплым голосом мужчина в темном балахоне. Он сорвал один из цветов и преподнёс к лицу. Один вдох, и мужчину затрясло, он выгнулся и выдал из себя громкий стон, как после дикого блаженства. Он волей поборол эффект, и быстро подскочил к удивленному Клайму, протягивая тот же цветок. — блаженный аромат.

Опасливо покосившись на растение, парень все же взял его и осторожно вдохнул аромат. Рука с растением тут же отстранилась от лица, а вторая прикрыла рот, с которого уже собирались течь водопады слюны. От Канны, пускай и в полумраке, не укрылись бегающие и взволнованные глаза брата.

— Что это?! — она обеспокоено подалась вперёд.

— Нет... ничего... ничего хорошего, — Клайм опомнился быстрее слабого собрата, но все же, скосил на того взгляд и для надежности тыкнул того локтем в печень. — не смей приближаться к этому месту, младший, я сам.

Неопределенно кивнув, мужчина пропустил старшего собрата.

— Как скажешь, старший.

Не потребовалось и десяти минут, как вся немногочисленная растительность, которая непонятно откуда взялась, наполнила поясную сумку Клайма.

— Все, у нас нет больше времени, идём отсюда.

— И долго они вот так?

Блондинистый мальчик прибыл на порог. В гостиной, на первом этаже его ждали практически все. Шутливо названный «Цветник» — состоящий из двух горничных, матери с дочкой и одной девочки — дожидался своего единственного «мужчину», в холле. И когда тот замаячил на горизонте, ближе к ночи, встречать его никто не выбегал. Даже плохого слова сказать не могли, ведь большинство так и заснуло на креслах. Из тех же, кто остался, неясно, спали они или нет. Та же Карла с ребенком на руках, сидела опершись спиной и тихо сопела. Дыхание

ровное, четкое, и стоило ей услышать шаги мальчика, как глаза медленно открылись, а на её лице появилась лёгкая и привычная полуулыбка.

Ещё одной подобной особой была Лили. Она закрыла глаза и как показалось Нилрему, медитировала, ведь сидела ровнее прямого меча, словно ей в спину воткнули цвайхандер, тем самым приколотив к креслу.

К ней же и обращался спокойным тоном Нилрем.

Женщина открыла глаза, поправила очки и осмотрела своего господина.

— Вижу, вам полегчало, — мимолётный вопрос «Как ты это поняла?» Так и остался мимолетным, совсем никак не проявившись на лице парня. Он повел глазами, обводя третье занятое кресло, где расположились Мари с Айшей, в обнимку. — Ах, они повздорили, когда вы так резко ушли. Мари считала это виной Айши, а та всячески пыталась доказать обратное

В общем, картина на которую Нилрем смотрел едва ли не каждый день. А обязательно по средам и пятницам, когда у девочек было больше всего свободного времени.

— Не считай Айшу виноватой, мне нужно было успокоиться, — Лили тихо качнула подбородком, и поднялась с насиженного места. За ней на ноги подскочила и Карла. — Кстати, вы чего здесь сидите? В номере завелся призрак?

Карла улыбнулась шире обычного, а после приблизилась к Грейрату.

— Просто я сказала, что приличная невеста дожидается гулящего супруга у порога... — «...чтобы первой задать ему взбучку» последнюю часть слов Карла утаила, желая посмотреть на реакцию её спасителя.

Парень обвел глазами Лили, взявшей на себя тушку дочери, и быстро подкрался справа, немимым жестом указав, что возьмёт на себя Мари.

При теле, на первый взгляд которому и двенадцати не исполнилось, тринадцатилетняя девочка на его руках смотрелась комичнее обычного, вот только смеяться никто не спешил.

Уже на лестнице, поравнявшись с двумя женщинами, Нилрем оповестил их полутонем:

— Мне надоело вам повторять одно и то же. Я ещё слишком мал для женитьбы, эта тема теперь под табу, поняли? — юный маг стрельнул глазами сначала в Карлу, которая ещё шире улыбнулась, а потом и в Лили, на лице которой явно прорезалась такая же улыбка. — Я серьезно, заканчивайте с этим.

— Я поняла вас, юный господин.

Поход на третий этаж не длился бог знает сколько, но за это время, на руках учителя сонно потянулась его ученица. Она обхватила руками шею Нилрема, и слегка приоткрытыми глазками, в которых ещё хранилось сонное наведение, глупо улыбнулась, хихикая.

— Учитель... — тихо протянутое слово дошло до парня. — Не уходите... больше...

Грейрат закатил глаза. Он заходил в комнату и больше всего его сейчас беспокоила не Мари, и её сонные бредни, а, чтобы эта самая соня не ударилась о косяк двери головой.

— Нил...рем... — Мари сильнее прижалась щекой к груди парня и недовольно заурчала

кошкой. Она начала тереться о неё щекой, продолжая бредить. — дурашка, я... же... волнуясь...

Не смея прерывать телячьей нежности Мари о Нилрема, все лишние элементы быстро ретировались с комнаты, как только парочка туда вошла. А великому магу оставалось не так много вариантов. Он удачно уложил девушку, и уже собирался расцепить её пальцы у себя на шее, как та неожиданно приложила много больше силы, как для той, что спала непробудным сном.

Руки ученицы подтянули лицо Грейрата к своему, буквально соприкасаясь лбами. На удивление Нилрема, теплое дыхание Мари, которое он теперь мог ощутить своими губами, было ровным и размеренным.

Затуманенные и до боли в груди очаровательные рубины вновь приоткрылись, пронзая шепотом следующих слов, которые заставил парня ощутить лёгкую дрожь по всему телу.

— Оставайтесь со мной... навсегда.

«Это заходит слишком далеко», желая оказаться ветром, или водой, Нилрем отстранился от лица ученицы быстро, изворотливо.

Потерявшая тепло девушка будто бы утратила любимую плюшевую игрушку, тут же посмурнела, сменяясь в лице, но не проснулась и просто перевернулась на бок.

— Задрали... — раздражённо шепнув на ушедших дам, Нилрем приблизился к окну. Третий этаж с видом на большую часть города, сейчас казался не таким и плохим выбором. Подметив, что Лили неплохо разбирается в подобном, занавески скрипнули и окно закрылось непрозрачной вуалью.

Под сенью мрачной тьмы, отчетливо слышалось цоканье чьих-то одиноких пят. Размеренное, на два удара сердца приходился один шаг. Эти громкие шаги оповещали всех. Прибыл званный гость о которого тупились взгляды местных обитателей. Поместье наполнилось натуральной нечистью, детьми ночи. Вся прислуга была «обращенными», бывшими людьми, и владелец этих подхалимов находился впереди.

Глаза Клайма мало что выражали, за исключением крайне скрываемого беспокойства. Его тяжелые труды с минуты на минуту окупятся и только мертвый оставался бы спокоен. На руках брат нес свою драгоценность, самое лучшее и ясное, что было у него в жизни — его сестру Канну. Девушка со светлыми волосами, как и у самого Клайма, не отличалась любопытством, и связано это с тем, что прямо сейчас, та блуждала по миру Морфея. Говоря простыми словами, сестра Клайма спала непробудным сном и это не убийство, это эффект магии, которую использовал её брат.

«Лучше ей не видеть то, куда я её веду», рассуждая в подобном толке, Клайм и прибыл сюда, под обзором луны, в темное поместье, вышагивая по красной дорожке. Остановив свой шаг, парень умудрился в двух метрах от порога, где его дожидался дворецкий-собрат.

— Прошу, заходите, — невыразительный для глаз Клайма, дворецкий, которого не суждено было запомнить, открыл дверь, и стоявший до этого осиянный лунным светом Клайм с сестрой на руках, вошёл к нему. Ко второму Кандидату в Короли Крови.

Как говорилось ранее, многие дети ночи по умолчанию пахнут слабым ароматом крови. Это работало и как способ идентификации себе подобных и как индикатор ранга силы. Чем сильнее представитель, тем менее явно ощущается запах крови. Естественно, обычные низшие использовали духи и прочую бижутерию, которая путала их запах для простых людей, зверей и звероловцев, однако он мало чем помогал против собратьев.

Причина, по которой Клайм не хотел показывать сестре конкретно этого Кандидата в Короли Крови, была проста и элементарна. Только переступив порог, нос парня приласкали разноцветные духи и запахи, единственным явным из которых выделялся именно запах... возбужденных тел, их выделений. Словно похороненный, но не землицей, а обнаженными телами дев (все поголовно дети ночи), единственный мужчина, полусидя любовался. И любовался он не тем чем должен любоваться хозяин в пришествии гостя. По этикету... ах, этикет летел к чертям, и глава поместья с блаженной улыбкой гладил по голове девушку не больше довольно нежного на вид возраста, которая ласково и медленно, нежно и блаженно облизывала языком то самое твердое место.

В то время, как остальные тела дев, что постарше, с нескрываемой завистью и желанием пронзали младшую, во всех аспектах, конкурентку. Им только и оставалось, что целовать тренированное тело, да облизывать пальцы вольной руки.

Считается, что от детей ночи воняет кровью, однако здесь все давно пропиталось спермой.

«Мерзость», Клайм едва не передернул плечами, лишь силой воли подавив в себе нарастающий негативный позыв. Оргию он никак не хотел встретить вот так.

Парень прошел три шага вперед, и поскольку дальше ему не позволяло собственное чувство справедливости, на этом, подход к огромному ложу и закончился. Клайм уложил перед собой сестру и с нескрываемой грустью, преклонил колено, опустив голову. Так он и ждал, в тусклом розовом освещении, омываемый волнами стонов, писков и восхищённых возгласов. Ещё десять минут, будто бы в наказание за небольшую задержку второй кандидат в короли крови мучал естество младшего собрата. Словно показывал будущее за непослушание.

По прошествии всех обговоренных минут, звуки стихли, и один громкий вздох мужчины позволил Клайму поднять голову.

— Клайм, ты не спешил, — услышанный голос отдавал морозом по телу любого, кто его услышит. Клайм не был исключением, но длительная работа на Владыку и пребывание в его кругу, помогли парню не скривить лицо.

— На это были... обстоятельства, — тяжело выдал из себя Клайм, косясь на свою сестру.

— Какие?

— Не важные.

В нескольких метрах от Клайма, оставив всех любовниц позади, на краю ложа сидел цельный маг, второй Кандидат в Короли Крови. Алу Кард, он же гений исцеления. Возрастом удался таким же, как и сам Клайм. Их отличие лишь, в том, что потенциал к крови прародителя Карса у Карда оказался в разы выше.

В отличие от привычных блондинов, Алу Кард носил саму тьму на голове, где если хорошенько присмотреться, выглядывали звезды. То был цвет ночного неба. Глаза остры и голубы, однако усмешка точно намекала Клайму на нехорошее.

Ещё по прибытию, Клайм спешил побыстрее найти этого целителя, но найти его было той ещё задачей. Из-за сестры Клайм не мог просто шастать по всем подворотням и высматривать, под каким камнем прячется хоть один его собрат, который и указал бы на кандидата. То, что младшие не посмеют ему соврать, сомнений не было, ведь Клайм практически на вершине иерархической пирамиды, детей ночи, и может чувствовать ложь, которая идёт снизу.

— Клайм, — Кард укоризненно покачал головой, поправляя свою зализанную причёску. — ты же знаешь, что врать нехорошо.

— Я вам не врал! — в сердце воскликнул парень, сжимая кулаки.

— Знаю. Ты наверняка уже задумывался, что «связь крови», действительно не даёт младшему соврать старшему, вот только даже мне потребовалось лишь меньше месяца, чтобы понять, тем кто следит за правдой всегда выступает младший, — кандидат отложил свои книги и отчёты, в которых прожигал свой взгляд и обратил его на Клайма. — Если младший считает, что врёт, старший это поймёт, и здесь кроется страшное несовершенство нашей связи. «Судьба моей сестры на первом месте, а все остальное неважно, оно подождёт», ты же так думаешь, чтобы я не мог распознать лжи? Ты не один такой умный, Клайм, ещё девять недоносков выше тебя в пирамиде Детей ночи и несколько десятков такие же как ты. А ведь мы только-только, расширяемся. Неизбежная экспансия приведёт к тому, что о новой расе невозможно будет умолчать. Собирается буря, Клайм, а Мы не любим бури. Потому свое предвзятое мнение о «важном» и «не важном», оставь себе. В первую очередь тебя должны заботить вопросы выживания своей расы, а не жалкой человеческой женщины.

— Я...

— Знаю. Я все знаю о тебе, твой «выбранный» помощник мне все рассказал, и о загадочном парнишке, и о том, что ты набрал в соборе. Оставишь сумку с... Психотропными веществами здесь, мне нужно будет их изучить.

— Понял.

Поднявшись, Алу махнул рукой Клайму и тот поднялся вслед за старшим, ухватив сестру за собой на руки. Брат, прижимающий сестру так крепко, что и семь мировых сил не разорвут их телесную связь, позабавил взор Кандидата Крови.

— Перейдём в другое место, — бросив свой взгляд за спину, подобно опытному художнику, Алу Кард очень явно улыбнулся, и улыбка эта не была мягкой или доброй. Она могла прожечь скатерть, на которой от усталости спали обнажённые девы.

Одев темную рубаху и штаны, вслед за Клаймом из комнаты вышел и сам хозяин, кивком поприветствовав дворецкого и кивнув ему на женщин.

В дальнейшем их путь прошел ближе к мертвецки холодной тишине, чем в теплой атмосфере дружеского разговора. Мимолетный диалог по пути никак не прибавлял очков симпатии Алу Карду.

— У твоей сестры красивые волосы.

Эта тема на взгляд Клайма была именно тем, что могло выйти изо рта подобного сородича. Женщины, казалось Кандидата в Крови волновали одни женщины. Услышанное минутами ранее, оставило отличный отпечаток в голове Клайма и тот рефлекторно прижал сестру к себе.

— Спасибо за похвалу, — полутонком высказался блондин.

— Не нужно так её прятать, ты просто неправильно все понял, — полумрак попытался раздвинуться приподнятым полусутоливым тоном Алу Карда и его дружественным похлопыванием по плечу, однако проблема заключалась именно в слове «попытался». — то, что ты видел в моих покоях было... местью.

— Ваш гнев милостив...

— Ты не понял. К примеру, возьмём самую младшую, дочь одной знати, которая измывалась над мной, когда я ещё был человеком. Я узнал, что делала она это по приказу, однако же, её горящие садистским удовольствием глаза забыть не могу. Маленькая маньячка. Мне подмешивали иголки в еду и били хлыстом с золотым наконечником. Я все ещё слышу хлопок, и тело мое содрогается от боли, которой нет. Было занятно жить и знать, что все здесь боятся моего дара. Моя месть не простое убийство. Это слишком скучно. Ещё вчера «Госпожа Картин», сегодня уже послушная и вечно покорная собачка Катрин. Жаль ты пришёл так поздно, Клайм, поверь, видеть, как ломается психика твоего злейшего врага, как она становится зависимой от твоего семени, как её отвращает, но в то же время её тело продолжает заниматься со мной непотребством! А-ах...

Клайм попытался незаметно отступить в сторону, однако незаметно не получилось. Стон Алу Карда и его дрожь по телу от воспоминаний, заставляли задуматься, как такое красивое лицо могло так сильно исказиться невежеством.

На благо младшего, больше пояснений не последовало, и Алу Кард просто вышагивал подле Клайма, бросая взгляд по всему поместью, словно никогда ранее не видел этих богатых предметов интерьера.

Мастерская, или же «рабочая зона», находилась на приличном удалении от спальни, идти туда пришлось сквозь темные для обычного человека коридоры, целых пять минут. По прибытию, первым вошёл хозяин поместья, осмотрелся, шаркнул носком по полу, и подозвал Клайма, зажигать маленькую масляную лампу.

Полумрак рабочей зоны исследователя слегка рассеялся, стоило зажечь ещё несколько дополнительных свеч, коих насчитывалось уже под десяток. Теперь Клайм мог лучше оценить обстановку вокруг, впрочем, надеется здесь было не на что. В любом случае ранг кандидата и ранг Маркиза отличались на целых два порядка. Преимущество было не на стороне Клайма. И как-то сопротивляться могло навлечь беду на беззащитную старшую сестру.

— Ты правильно поступил, когда решил усыпить её. В таком случае, лечение пройдет проще и одновременно безболезненно, — Кард начал шарить по столу руками, убирая и перенося с него вещи и бумаги. С этим нелегким делом, Клайм вызвался помочь добровольно, чем заслужил легкого смешка со стороны кандидата.

— Кстати, младший, как там поживает наш дражайший Прародитель?

— Когда я его покидал, не жаловался, — ответ Клайма притормозил шаг Карда.

— О... а о действиях малышки Анны-Роуз он знает?

«Малышка Анна-Роуз», могла так называться разве что вторым кандидатом в Короли Крови. Клайм едва не оступился и не выронил из рук бумаги с непонятными ему цифрами и графиками, когда это услышал. Ни для кого не секрет, какими были отношения между двумя

кандидатами — враждующими. Они оба имели своих людей в совете герцогов, тем самым делили детей ночи на две основные фракции. Клайм принадлежал малочисленной группе, которая держалась близ Прародителя Карса. Малочисленна она была исключительно из-за неприязни Карса к неидеальному выполнению заданий. Зачастую, к Владыке отправляли в качестве наказания, ведь постоянен риск смерти. Однако же, в рисках есть свои плюсы. Никто из нынешних кандидатов и членов совета не решался поднимать руку на его слуг.

— Знает, и насколько я могу судить, не собирается судить её детские шалости.

— Детские? Роуз зажралась интригами, как только вкусила плод этих игр. Маленькая, взбалмошная стервочка, которая считает себя явно не ниже Прародителя Карса. Делает что взбредёт в голову... — раздражение Карда разлилось по округе неприятными словесными сочетаниями, о которых Клайм ведал очень хорошо. Именно этими же словами он мысленно обсыпал всех вышестоящих.

В сути своей, жизнь Клайма на ранге Маркиз, не была столь плохой или безрадостной. Собственный благой трепет перед сестрой и её здоровьем, не давал парню изжить пламя жизни, которое утихало, чем ближе становилось её полное излечение. В момент кульминации у нерадивого парня не останется ни цели, ни, вероятно, желания продолжать жить. Он просто хотел излечить сестру. Все что находилось за той условной чертой, было неважно, вторично, безразлично.

Подобным мышлением Клайм и приглянулся Владыке Карсу, ведь тот видел в юноше свое отражение. Нельзя точно сказать, был ли то хитрый план, либо же сострадание со стороны Карса. Вполне возможно, Прародитель, хотел увидеть, чем закончится подобное изыскание одинокой свечи коей является Клайм. Истлеет ли она полностью, или же переродится в нечто новое, покажут лишь следующие несколько месяцев.

А сейчас же, учитывая кустарные методы, где больную уложили на исследовательский стол и небрежно распахнули той свитер, Алу Кард, принял на себя бремя исцеления раненной девушки.

Дама на самом пике жизни сейчас должна напоминать раскрытый цветок, но действительность являла её увядающим сорняком, где вместо пышной груди четко видимые ребра.

Впрочем, кандидату не привыкать видеть тела умирающих. Слишком много к нему обращались, слишком многих он видел, чтобы морщить нос или пытаться щуриться, как это делает Клайм. Вот кому-кому, а ему было сложно смотреть на то, чем стала его сестра.

— Ты же знаешь, как я её излечу?

— Хотите обратить её?

— Твое желание держать эту девушку подальше от Детей ночи и в тоже время испытывать у братьев и сестер терпение по её отношению, было не самым умным решением. Я слышал, ты парень исполнительный, однако слишком тихий и без инициативный... так не бывает. Младший, ты когда-нибудь задумывался почему одни наши братья при обращении не дотягивают и до слабого барона, так и оставаясь ничтожными крестьянами, в то время как другие становятся кандидатами в короли?

Столь странный вопрос, почему-то всколыхнул нутро Клайма. Он посмотрел, в точности пустил стрелу, прямо в глаза старшему, после чего тихо вдохнул.

— На самом деле, я часто вижу, тенденцию для целой расы.

— Правильно, правильно, младший, ты думаешь верными категориями. Светлые волосы, тип ума, цвет глаз... сама наша сущность словно меняется под напором незримых правил. И чем ближе ты к некоему идеалу, тем выше твой ранг, тем больше у тебя силы!

— Хотите сказать, чем больше человек походит на Владыку, тем больше у него сил?

— Не могу сказать. Даже мне не все известно, однако то что мне известно, не сходится, — Алу Кард покачал головой, после чего остановил Клайма от вопроса, который тот уже хотел задавать. — Я уже понял, что чем выше ты по иерархии, тем больше твоя суть походит на «Изначальную Суть». Помнится, мне, ты Клайм начинал с барона, — парень уже устал удивляться тому, сколь много информации имеет за щеками второй кандидат, потому новая порция его личных свержений не была такой странной. — Тебе должно быть известно, наши собратья не могут вот так перепрыгивать с ранга на ранг за такой короткий срок. Твоя прогрессия означает, что ты нашел способ приблизиться к «Изначальной Сути», мне интересно, что это есть?

Пламя в лампах и настенных свечах всколыхнулось, тряся многочисленные тени обывателей. Клайм думал над этим, однако думал он слишком мало. Недостаточно, чтобы прийти к одному ответу. Вопрос засасывал сознание парня подобно водовороту, словно он терял реальность, отпускал её из рук, до тех пор, пока его не взбудоражил громкий хлопок... нет, то был не хлопок, намечался целый крик:

— Клайм!

Алу Кард искажился в лице, переменялось все его окружение. Гасли одна свеча за одной, и сила, которую выпустил в одночасье Кандидат в Короли Крови, окрашивалась в темно-багряный оттенок Луны. В лаборатории поднялась настоящая буря, но не зимняя и не летняя, то была кровавое торнадо, из которого на огромной скорости вылетали кровавые копыя, мечи, стрелы, алебарды. И все они остановились у самого носа, побледневшего Клайма. Его придавливало. Не только ужасающей силой и страхом, но и связью старшего-младшего.

— Когда я говорю отвечать, ты отвечаешь, понял меня? — пропал дружелюбный Алу Кард, явился покрытый мраком Кандидат.

— К-конечно, — кивнув, сердце Клайма поутихло. Все колья растворились, утратили свою форму все виды оружия, превратившись в ничто.

— Гм... — сел Кандидат в глубокое кожаное кресло и ощутимо сжал одной рукой подлокотник. Вторая рука служила подставкой для подбородка.

— Старший! — чертыхнувшись про себя, Клайм упал на колени, целуя пол. Он едва мог выдавать внятные слова. Будь на месте Алу Карда Владыка, и парня уже бы убили. — простите, я задумался слишком сильно.

— Сильно он задумался... — фыркнув достаточно громко, чтобы услышали и соседние комнаты, Кандидат уложил ногу на ногу.

«Даже связь не сработала» необычное явление страшило. До сих пор, целая раса строилась на том, чтобы подчиняться сильным, высшим чинам, но то что видел кандидат было... противоестественным. «Словно он..! Нет, это бредни».

— В ответ на ваш вопрос, я не могу ничего сказать.

— Бездарь.

Сухой ответ поставил точку в этом разговоре, где открывалась ещё одна грань Детей Ночи.

— Вернёмся к твоей сестре. Она станет нашей сестрой, новым дитям крови. Даже если её потенциальный ранг не выше барона.

Облачный замок окончательно разрушился. Разрушаясь, этот стеклянный замок ранил осколками сердце Клайма. От обиды хотелось прикрикнуть, сбежать, отмотать время вспять, но все это было невозможно проделать. Сжав кулаки, те, одновременно оказались тяжелее стотонный гирь и упали на землю. Клайм сцепил зубы и поджал губы в тонкую линию, после чего полностью упал на колени.

— Делайте, как посчитаете нужным.

— Вот и отлично.

<http://tl.rulate.ru/book/84638/3372713>